

В.В. Ягич

**История сербско-хорватской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В.В. Ягич**
История сербско-хорватской литературы / В.В. Ягич – М.: Книга по Требова-
нию, 2021. – 244 с.

ISBN 978-5-518-07464-4

ISBN 978-5-518-07464-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В В Е Д Е Н І Е.

Юго-востокъ Европы населяютъ четыре славянскія народности, а именно: Словенцы, Хорваты, Сербы и Болгары. По отношенію къ единоплеменнымъ народамъ, занявшимъ сѣверо-востокъ Европы, первыхъ называютъ обыкновенно однимъ именемъ: «Юго-славяне», подразумѣвая подъ этимъ названіемъ массу народонаселенія достигающую 13 милліоновъ душъ. Но названіе «Юго-славяне» принимается то въ обширномъ, то въ тѣсномъ, то даже въ самомъ тѣсномъ значеніи. Въ обширномъ значеніи подъ именемъ Южныхъ Славянъ подразумѣваются всѣ четыре народности въ совокупности; но такъ какъ издавна до настоящей поры Болгары и въ историческомъ и въ литературномъ отношеніи стоятъ особо отъ остальныхъ вѣтвей юго-славянства, то названіе Юго-славянъ въ тѣсномъ смыслѣ присвоивается только Словенцамъ, Хорватамъ и Сербамъ. Наконецъ въ самомъ тѣсномъ значеніи иногда называютъ Южными Славянами единственно Сербовъ и Хорватовъ. Въ подлежащемъ трудѣ подъ именемъ южныхъ славянъ подразумѣваются Словенцы, Хорваты и Сербы; а гдѣ говорится о двухъ послѣднихъ народностяхъ,—тамъ онѣ и называются своими настоящими именами—Сербами и Хорватами, а языкъ ихъ называется Сербскимъ и Хорватскимъ или иногда и просто *сербско-хорватскимъ* языкомъ.

Земля, на которой живутъ Южные Славяне—въ обширномъ значеніи этого слова,—простирается отъ Запада къ Востоку—отъ рѣки Сочи (Isonzo) и Адриатическаго моря до Чернаго моря, а съ Сѣвера къ Югу—отъ рѣкъ Дравы, Муръ и Дуная до Бояны, Архипелага и рѣки Арды во Фракіи. На этомъ пространствѣ въ старину, какъ извѣстно, жилъ Фракійско-Иллирскій народъ, занимавшій почти весь нынѣш-

ній Балканскій полуостровъ на западѣ достигавшій Альпъ. Въ IV вѣвѣ до Р. Х. въ Иллирамъ присоединяются Кельты, поселившіеся между Иллировъ въ краяхъ альпійскихъ и посавскихъ, приблизительно тамъ, гдѣ теперь живутъ Словенцы и Хорваты. Между ними сохранились, быть можетъ, какіе нибудь остатки славянскаго народа, который до прихода Кельтовъ распространялся по Панноніи до Адриатическаго моря. Въ эпоху такъ называемаго переселенія народовъ эти края сильно опустѣли. По восточной окраинѣ этихъ земель около 500 г. по Р. Х., начинаютъ перебираться чрезъ Дунай массы того славянскаго народа, который позднѣе получалъ названіе *болгарскаго*; эти толпы народа, пришедшія съ сѣвера на Дунай, заняли старую Мизію, Македонію и Фракію, а отдѣльныя вѣтви достигли нынѣшней Албаніи, Фессаліи и даже Греціи, и уже въ концѣ X-го столѣтія Греки жаловались на славянизироваіе почти всей Восточной Римской имперіи. Западные края прежняго Иллирика, опустошенные и занятые незадолго предъ тѣмъ Аварами, заняли въ продолженіе VI и VII столѣтій—между 600—640 гг.—*зататранскіе славяне*, а именно:—алпійскіе края заняли Словенцы, посавскіе и далматинскіе—Хорваты, а на Востокъ и Югъ отъ нихъ края по рѣкамъ Моравѣ, Дринѣ и Неретвѣ—Сербы. Не смотря на родственность этихъ Славянъ имъ не удалось въ ихъ новомъ отечествѣ составить одно цѣлое государство; и западные Юго-славяне, а именно Словенцы, вскорѣ сдѣлались добычею вѣмцевъ, отъ которыхъ только съ большими усиліями отбились Хорваты;—восточные Юго-славяне, а именно Болгары, составили могущественное на Балканскомъ полуостровѣ государство, но принуждены были непрерывно вести борьбу съ завистливыми Греками; наконецъ и Сербы, раздробленные на ничтожныя части, долго не могли выпутаться изъ своего незавиднаго положенія. Въ исторіи Южныхъ Славянъ хотя и сіяютъ имена Симеона Болгарскаго, Петра Крешимира Хорватскаго, Стефана Немани Сербскаго, Ивана II Асеня Болгарскаго и Стефана Душана Сербскаго—но ни одинъ изъ этихъ государей не достигъ соединенія подъ своимъ скипетромъ хотя бы большей части Южныхъ Славянъ: эти послѣдніе, раздробленные на нѣсколько частей, утрачивали почти всѣ свою самостоятельность и свободу, подпавъ власти вѣмцевъ, Итальянцевъ, Мадыаръ, Грековъ и Турокъ. Только въ послѣднее время начинаетъ улучшаться положеніе Южныхъ

Славянь: у нихъ появилась уже идея славянской взаимности, которая хотя и проявляется пока только въ литературѣ, но вскорѣ должна обнаружиться и въ другихъ сферахъ народной жизни.

Задача настоящаго труда состоитъ въ изложеніи духовной жизни сербско-хорватскаго народа, — жизни, которая проявлялась главнѣйшимъ образомъ въ литературѣ отъ ея возникновенія до настоящей поры, — той жизни, которая хотя была и не исключительною, но во всякомъ случаѣ самою замѣчательною стороною народнаго существованія. Но, какъ у отдѣльнаго человѣка появленію литературнаго труда предшествуютъ многія приготовительныя работы, точно такъ и цѣлыя народы долго готовятся въ литературной жизни: и исторія литературы говоритъ не объ отдѣльныхъ литературныхъ явленіяхъ, но принимаетъ въ расчетъ все что обуславливаетъ развитіе, процвѣтаніе и упадокъ литературы, и изъ цѣлостности жизненныхъ явленій старается уловить то благородное влеченіе человѣческаго духа, которое высказывается въ литературной дѣятельности. И предлежащій трудъ будетъ держаться тогоже направленія, на сколько позволятъ тѣсныя рамы книги, (предназначаемой главнѣйше для молодаго поколѣнія) и настоящее положеніе этой, еще мало воздѣланной, отрасли знанія.

1. Названіе и объемъ народности.

Всѣ представители науки, Славяне и не Славяне, соглашаются въ томъ, что Хорваты и Сербы — издревле двѣ ближайшія и самыя родственныя народности одного и того же племени; но благодаря различію духовной (вѣроисповѣдной) и государственной жизни съ теченіемъ времени были разрознены и разбросаны члены этого единаго тѣла, и братья были отчуждены другъ отъ друга. Исторія признаетъ только два народныхъ названія языка: *Сербскій* и *Хорватскій*, которыя искони были извѣстны народу и жили въ его устахъ, пока съ политическою раздробленностью не вкрались сосѣднія прозвища, заимствованныя изъ Далмаціи, Дубровника, Босны, Славоніи и т. д. и пока домашніе и чужеземные писатели не ввели еще болѣе употребительныхъ названій: *Словинскій* и *Иллирскій*. Много вѣковъ должно было пройти

до явленія въ названіяхъ путаницы, господствовавшей въ книгахъ прошлаго столѣтія. Такъ еще за три—четыре вѣка прежде въ Дубровникѣ, отчужденномъ отъ остальной Далмаціи и т. н. Хорваціи, существовало народное названіе *Хорватскій*, при которомъ появилось, и вскорѣ взяло верхъ, другое «ближнее» — *Словинскій* (по латински: lingua illyrica). И наоборотъ въ такъ называемой провинціальной Хорваціи когда-то господствовало названіе *Словенскій*, позднѣе замѣненное государственнымъ — *Хорватскимъ*.

Къ государственной разрозненности присоединилось еще и *отроцтовѣданіе*, которое у послѣдователей греко-восточной церкви тѣсно связано съ *народностью*. Сербская Патріархія въ Печи (Ипецъ) и народная церковь *Сербская* сохранились въ памяти народа какъ величайшая святыня, и послѣ паденія государственной и церковной самостоятельности; для несчастнаго народа эта святыня была единственною защитою и прибѣжищемъ и отъ ислама и отъ другихъ посягательствъ на его народность.

Между тѣмъ какъ единственно это имя (Сербскій) и внѣ своихъ границъ служило въ религіозномъ отношеніи для обозначенія всего «православнаго народа» — послѣдователи западной церкви, подъ влияніемъ религіознаго космополитизма, держались того имени, которое имъ было ближе и знакомѣе ихъ слуху, т. е. принимали политико-географическія выраженія, какъ напр. дубровницкій, далматинскій, боснійскій, славонскій и т. д.; нельзя не вспомнить присворбной истинны, что католики въ Боснѣ, по словамъ Гильфердинга, нерѣдко сами себя называютъ *латинами*. Такъ Гильфердингу привелось въ Яйцѣ слышать такой отвѣтъ: «у насъ нѣтъ ни одного Сербя, мы всѣ Латинны». (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. стр. 125).

Въ VII вѣкѣ по Р. Х. Хорваты и Сербы жили въ слѣдующихъ предѣлахъ: на сѣверо-западѣ въ нынѣшней Далмаціи и Хорваціи съ прилежащими островами и Истріей до Лабина (Albona) и Раши (Arsa); затѣмъ со стороны Словенцевъ границу составляла Куна, приблизительно до Метлики и Крка до Савы, потомъ Сутла, отъ которой пограничная черта сворачиваетъ въ Птую (Pettau). На сѣверѣ границею была Драва, на югъ отъ которой находится нынѣшняя Славонія. На востокѣ и югѣ Босну, Сербію съ Метохіей, Герцеговину и Черногорье охватываетъ черта, проведенная отъ

Бѣлграда по направленію рѣкъ Моравы и Ибра до Митровицы, откуда ломаною линіею идетъ въ Скадрскому озеру и Боянѣ. На этомъ пространствѣ поселились Сербы и Хорваты: по Савѣ, Врбасу и далѣ спускаясь Неретвою на югъ къ Дубровнику, весь западный край заняли Хорваты; на югъ же и востокъ отъ этихъ границъ всюду поселились Сербы.... Такъ было въ VII столѣтіи по словамъ Императора Константина Порфиророднаго, нуждающимся въ нѣкоторой поправкѣ (см. Šafař. Starož. II. č. IV. § 32; č. V. § 34. Rački: Odlomci. 13—19). Поправка касается южной границы, которая отъ р. Цетины проведена далѣ на югъ пониже Дубровника; такъ какъ еще въ XV столѣтіи дубровницкіе поэты писали *чакавскимъ* нарѣчіемъ, а языкъ называли Хорватскимъ.

Если съ этимъ расселеніемъ Сербо-Хорватовъ въ VII вѣкѣ мы сопоставимъ ихъ нынѣшнія границы, то вромѣ поселеній въ Угріи и Австріи, мы найдемъ слѣдующія отличія: въ Далмаціи беретъ верхъ хорватскій элементъ и въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ островахъ, населенныхъ потомками римлянъ, которые сначала не хотѣли мѣшаться съ пришельцами варварами. Эти мѣстности были: Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Задръ, Рабъ, Осоръ и нѣкоторые другіе острова. Дубровникъ сдѣлался хорватскимъ уже въ X вѣкѣ, не много поздне—Сплитъ, Трогиръ и Задръ. Мнѣніе, принимаемое нѣкоторыми, что Дубровничане уже въ XI вѣкѣ употребляли славянскій языкъ, должно быть объясняемо въ пользу устнаго, семейнаго, а не книжнаго употребленія. Точно также хорватская народность распространилась и по Истріи на западъ, далѣ границъ указанныхъ Константиномъ Порфиророднымъ, а именно за Лабинъ и Рашу, такъ что теперь границею считается черта, проведенная отъ Чичскихъ горъ до долины, которою течетъ Драгоня до Перана, и оттуда на востокъ.

На востокъ и югъ вышеупомянутыхъ границъ совершились значительныя перемѣны. Извѣстно, что жупанъ Неманя въ концѣ XII вѣка увеличилъ сербскую территорію болгарскими краями, гдѣ находились на югѣ города Приштина и Призрѣнь, на востокъ—Нишь и Поморавлье. Преемники Немани присоединили къ этому восточный край отъ Моравы до Тимока. Политическія намѣренія сербскихъ владѣтелей, которымъ очевидно хотѣлось соединить сербскій пре-

столь съ византійскимъ, при постоянномъ расширеніи южной границы государства,—не слѣдуетъ смѣшивать съ отношеніями народными, и было бы ошибкою думать, что сербская народность преобладала вездѣ, куда достигала государственная власть Сербовъ. Вѣрно только то, что сербская народность распространялась до Неготина и Тимока, служащихъ и теперь границами сербскаго княжества—между тѣмъ какъ почти весь край, по ту сторону Моравы до Дуная и Тимока, населенъ валахами (Гласн. др. Срб. Слов. IX. 201); на югѣ же, куда политика сербскихъ государей перенесла и столицу государства (Призрень) и кааедру патриарха (Печь), гдѣ воздвигались великолѣпные храмы кралей и царей сербскихъ—на югѣ былъ въ XIII—XV вѣкахъ цвѣтъ сербскаго населенія, что лучше всего доказываетъ намъ роковой переходъ слишкомъ сорокатысячъ семействъ сербскихъ въ Австрію въ 1690 г. съ весьма незначительнаго пространства. Вслѣдствіе этого и опустѣли тѣ края и большую часть ихъ заняли Албанцы. Впрочемъ новѣйшія изслѣдованія ученыхъ путешественниковъ (Гильфердинга, Лежана, Гана) объ этихъ южныхъ предѣлахъ сербскаго народонаселенія нисколько не согласны ни между собою, ни съ прежними выводами Шафарика.

Кромѣ указанныхъ измѣненій границъ сербско-хорватской народности достойны упоминовенія и нѣкоторыя внутреннія событія. Жизнь сербско-хорватскаго народа, не смотря на его вполнѣ мирный характеръ, въ различныя эпохи была весьма бурною—особенно же въ продолженіе времени отъ XV до XVIII вѣка, когда бѣшенный турокъ прошелъ по всей сербско-хорватской территоріи, грабя и опустошая ее и большую часть ея подчинивъ своему жестокому игу, подъ которымъ и теперь еще стонетъ часть сербско-хорватскаго народа. Тогда наступило на всемъ югѣ страшное волненіе; горемычный сербско-хорватскій народъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, не въ силахъ будучи бороться съ враждебнымъ началомъ, начинаетъ разбѣгаться во всѣ стороны, ища себѣ убѣжища и новаго отечества, преимущественно между единоплеменниками на западъ и сѣверѣ. Какъ воспоминаніе объ этихъ бурныхъ временахъ, осталась въ народѣ пословица: «Герцеговина всѣ земли населила, а сама не обезлюдѣла». Послѣдствіемъ такихъ народныхъ передвиженій и переселеній было то, что едва не измѣнилась совсѣмъ фізіономія сербско-хорватской территоріи. Множество старожиловъ Хорватовъ съ

Купы и Уны перебрались далѣе на сѣверъ или въ край между Савой и Дравой, или въ Сѣверо-западную Угрію и Эрцг. Австрію; ихъ жилища заняли бѣглецы и ускоки сербскіе, расселяясь по сѣверной Далмаціи, нынѣшней хорватской в. границѣ и приморью, въ такъ называемомъ Жумберацкомъ (Sichelburg) дистриктѣ, въ тогдашней верхней Славоніи (нынѣшней провинціальной Хорваціи (Kroatien) и т. н. Вараждинской границѣ) около Копривницы, Крижевца (Kreitz) и Иванича, наконецъ въ нынѣшней Славоніи, особенно въ Пожежскомъ (Posseg) дистриктѣ (прежде Малой Валахіи) и въ Сремѣ. Подробнѣйшій рассказъ о грустной судьбѣ сербско-хорватской эмиграціи XVI и XVII вѣковъ не входитъ въ настоящій трудъ; можно принять за истину только то, что это значительное эмигрированіе принесло болѣе вреда нежели пользы развитію народной жизни сербо-хорватовъ. Эти многія тысячи хорватскихъ семействъ, расселившіяся по сѣверо-западной Угріи—(ихъ въ Мошонскомъ (Wieselburg), Шопронскомъ (Ödenburg), Желѣзномъ (Eisenburg), и Пожунскомъ (Pressburg) комитатахъ болѣе сотни сель, говорятъ по чакавски, и отчасти еще и теперь называются *боснійскими* Хорватами)—Австріи и Моравіи (ихъ около 8,000 душъ), отторженные отъ своего отечества и отовсюду окруженные чуждыми народностями (нѣмецкою и мадьярскою), никогда уже не разовьются до высшей духовной жизни и не сохраняютъ даже своей народности. Точно такъ же слѣдуетъ пожалѣть и Сербовъ въ южной Угріи, исчезающихъ вслѣдствіе онѣмечиванья или порумуниванья. И дѣйствительно ихъ настоящее число въ Бачкѣ, Банатѣ и вдоль Дуная до Будима (Ofen) вмѣстѣ съ Бунѣвцами, простирается только до 400,000,—число весьма незначительное въ сравненіи съ количествомъ ихъ, перебравшимся въ разныя времена въ Угрію. И такъ съ одной стороны сербско-хорватская народность ничего не приобрѣла, а съ другой утратила тѣ прекрасныя края (Старую Сербію), которые нѣкогда соединяли прежнюю Зету и нынѣшнее Черногорье съ Сербіей. Точно такъ же утратили свою народность тѣ тысячи Сербовъ, которые въ 1751—1753 году переселились въ Южную Русь и руссировались. Тоже постигло и тѣхъ Хорватовъ, которые въ концѣ XV (1467—1494) вѣка населяли Апулію; въ настоящее время сохранили свою народность только два села: Acquaviva (Вода жива) съ 1823 обывателями и San Felice Slavo съ 2208 обывателями. Луч-

ше сбереглись сербскія колоніи между Албанцами и Болгарами, особенно около Охридскаго озера (Lejean).

Въ противоположность этому значительному ущербу сербско-хорватской народности внѣ предѣломъ прежняго ея отечества въ ней высказывалась великая жизненная сила въ томъ, что она была способна ассимилировать повсюду части чуждыхъ народностей, врывавшихся въ сербско-хорватскую массу. Нужно дивиться тому, что сербско-хорватской народъ, находящійся подъ столь различными правительствами, вполне сохранилъ свою народность; ни Нѣмецъ, ни Итальянецъ, ни Мадьяръ, ни Турокъ не могли подавить ее. Даже и въ городахъ (напр. въ Далмаціи, Хорваціи), насколько бы они ни были чужды славянской народности (итальянскихъ, нѣмецкихъ, турецкихъ), всюду преобладаетъ сербско-хорватская народность; и между тѣмъ не рѣдки примѣры, что отъ чисто нѣмецкихъ семействъ, переселившихся въ тѣ же мѣста за пятьдесятъ, сто и больше лѣтъ, сохранилось только одно воспоминаніе, заключающееся въ иностранной фамиліи; а порою исчезъ даже и этотъ слѣдъ происхожденія.

Кто обратитъ вниманіе на все сказанное о тревоженіяхъ, выпавшихъ на долю сербско-хорватскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, тотъ не будетъ требовать тщательнѣйшаго, подробнѣйшаго указанія настоящихъ поселеній Хорватовъ и Сербовъ; потому что во многихъ мѣстахъ такъ перемѣшались Хорваты съ Сербами, что уже не возможно въ точности отдѣлить что собственно хорватское и что собственно сербское. Можно только сказать вообще, что на востокѣ общей отчизны живутъ Сербы, на западѣ Хорваты или, что въ тріединомъ королевствѣ преобладаетъ большинство Хорватовъ, а въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногорьи и Сербіи еще значительнѣйшее большинство Сербовъ. Относительно настоящаго положенія сербско-хорватской народности слѣдуетъ замѣтить, что въ ней гнѣздится нѣкотораго рода дуализмъ, который повемногу исчезаетъ, и который основывается не столько на народности, сколько на вѣроисповѣданіи и грамматѣ. Духъ прогресса и просвѣщенія рано или поздно сравняетъ эти неровности и уничтожитъ послѣднюю преграду, отдѣляющую брата отъ брата.

У важдаго многочисленнаго народа бываютъ нарѣчія, характеризующія извѣстную мѣстность. И такъ было бы странно если бы ихъ не было у сербо-хорватовъ, и преимуществен-

но на западѣ. Въ особенности слѣдуетъ припомнить, что сѣверо-западный хорватскій край—т. е. такъ называемая Провинціальная Хорвація—на столько отличается своимъ нарѣчіемъ отъ всего остальнаго сербско-хорватскаго народа, что, судя по существующимъ законамъ лингвистическаго сродства, нарѣчіе этой провинціи нельзя назвать ни чисто Хорватскимъ, ни Сербскимъ (Чакавскимъ или Сербскимъ); оно въ значительной степени перемѣшано съ словинскимъ нарѣчіемъ, или скорѣе: это словинское (хорутанское) нарѣчіе, переходящее въ хорватское. По этому за два, за три вѣка предъ симъ тогдашніе писатели хорватскіе (Пергошичъ, Браменъ, Петретичъ, Габделичъ) и говорили, что пишутъ *словенскимъ* языкомъ. Затѣмъ исторія ничего не знаетъ о томъ, чтобы словенскій языкъ когда либо позднѣе повліялъ на языкъ хорватскій, и чтобы изъ этой смѣси произошло нынѣшнее вайкавско-хорватское нарѣчіе, а всѣ филологическія соображенія указываютъ на какой-то процессъ перемѣшиванья, въ которомъ словинскій языкъ былъ сильнѣе хорватскаго; все это служитъ доказательствомъ, что въ темныхъ извѣстіяхъ Константина Порфиророднаго, изъ которыхъ видно, что онъ и самъ не имѣлъ объ этомъ достаточно свѣденій, скрываются великія этнографическія тайны о народныхъ отношеніяхъ между Словенцами и Хорватами VII вѣка. Лаконическое извѣстіе Константина Порфиророднаго сообщаетъ слѣдующее: отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, отдѣлилась нѣкоторая часть и заняла Иллирию и Паннонію; они имѣли также своего великаго жупана, который только по дружбѣ посылалъ пословъ (съ дарами) къ великому жупану хорватской земли (гл. 30).

Судя потому насколько нынѣ мы понимаемъ значеніе, величину и силу словенскаго племени, достигавшаго по паннонскимъ равнинамъ юднѣшней Словеніи, а на востокѣ даже родетвеннаго болгарскаго народа, возможно допустить, что такъ называемая хорватская вайкавица произошла оттого, что Хорваты, подаваясь на югъ, въ этия горныя края новаго отечества, т. е. между Дравой и Савой, перемѣшались съ бывшими тамъ жителями словенскаго происхожденія. Напротивъ невѣроятно извѣстіе Константина Порфиророднаго, будто бы часть Хорватовъ двинулась уже изъ Далмаціи обратно на сѣверъ, откуда только что пришли Хорваты; да и прибытіе Хорватовъ и Сербовъ на югъ не было слѣд-

ствиемъ дружескихъ приглашеній и дипломатическихъ переговоровъ, а насильственнымъ вторженіемъ переселенцовъ, которые должны были кровью покупать каждый шагъ занятой земли. Равно важется вѣроятнымъ и то, что Хорваты основали государство прежде въ сѣверной Хорватіи (между Дравой и Савой), потомъ уже въ южной (въ Далмаціи и Приморья).

Къ Словенцамъ,—дѣлившимъ судьбу Сербо - Хорватовъ съ начала ихъ исторіи и во многихъ случаяхъ опережавшимъ хорватскую народность,—принадлежатъ настоящіе обыватели жупаній Вараждинской, Загребской—приблизительно до Купы, и Крижевацкой съ половиною Вараждинской границы, Междумурья и нѣкоторыхъ краевъ Угріи вдоль Дравы. Точнѣйшими границами кайкавщины относительно штокавщины (на западѣ) и чакавщины (на югѣ) будутъ слѣдующія: по чертѣ отъ Дравы у Питомача, чрезъ Вировитицу, Беловаръ и Цирквену, по Капелѣ до Лупоглавы; отсюда чрезъ Иваничъ, Мославину до Лони и Ясеновца на Савѣ, далѣе Савою до Петрини и Купою до Карловца; отсюда на сѣверо-западъ чрезъ Драганичъ, Крашичъ, Ястребарско, и захватывая Жумберакъ, черта у Драги переходитъ въ Краину.

II. Численность народонаселенія.

Въ указанныхъ границахъ живетъ въ настоящую пору сербско-хорватскій народъ; но трудно даже приблизительно опредѣлить его численность. Числа, представленныя различными учеными, на столько не сходны одно съ другимъ, особенно же касательно турецкихъ сербско-хорватскихъ земель, что данныя одного изслѣдователя опровергаютъ данныя другаго и всѣ одинаково сомнительны. Въ истинѣ этихъ словъ насъ убѣждаютъ показанія Шафарика (*Slovanský národopis*), Чернига (*Ethnographie der österr. Monarchie*, 1855—1857, и *Statistisches Handbüchlein*, 1861), Лежана (*Ethnographie de la Turquie d'Europe*, 1861), Гильфердинга (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, 1859), Гана (*Reise von Belgrad nach Salonik*, 1861) и другихъ частныхъ и официальныхъ извѣстій.